

УДК 159.9
ББК Ю94

Галина Валерьевна Шукова,
кандидат психологических наук, старший научный сотрудник,
Психологический институт
(125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, строение 4)
e-mail: shookova@yandex.ru

Марьяна Ивановна Григорьева,
научный сотрудник,
Психологический институт
(125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, строение 4)
e-mail: ecopsymig@gmail.com

Некоторые психологические особенности человека как субъекта межвидового взаимодействия¹

В современной психологии межвидового взаимодействия человека с домашними животными (*Human-Animal Interaction*) выделены основные направления исследований. Показано, что данная активно развивающаяся область зарубежной психологической науки испытывает некоторый дефицит новых – прежде всего в теоретико-методологическом отношении – исследовательских направлений. В российской психологии работы о психологических аспектах межвидовой коммуникации человека единичны и пока не оформлены в виде отдельного исследовательского направления. На основе анализа парадигмальных оснований психологии межвидового взаимодействия намечены перспективы развития исследовательской практики в области межвидовой проблематики: в исследовании межвидовых отношений человека категория взаимодействия, т. е. совместной деятельности и общения, является базовым основанием моделирования механизмов *Human-Animal Interaction*. Представлены результаты сравнительного исследования некоторых аспектов потребностной и личностной сфер владельцев домашних животных ($n = 44$) и лиц, не имеющих домашних животных ($n = 39$). С помощью опросных методов из области экпсихологического и психосемантического подходов к исследованию личности показано, что в основе сознательного выбора человеком *pet*-взаимодействия лежит его потребность в позиционировании животного в качестве субъекта. В личностной сфере *pet*-собственников выделена направленность к определенному типу коммуникации, который можно охарактеризовать как социально-позитивно-инновационный. Особо акцентировано отсутствие в данной направленности компенсационной составляющей, постулируемой дефицитарной моделью *pet*-отношений, согласно которой роль домашнего животного сводится к компенсации/стагнации личностных проблем владельца.

Ключевые слова: межвидовое взаимодействие человека и домашних животных, *pet*-отношение, субъективное отношение, личностная черта.

Galina Valeryevna Shoukova,
Candidate of Psychology, Senior Research Assistant,
Psychological Institute
(4 b., Mokhovaya St. 9, Moscow, Russia, 125009)
e-mail: shookova@yandex.ru

Maryana Ivanovna Grigorieva,
Research Assistant,
Psychological Institute
(4 b., Mokhovaya St. 9, Moscow, Russia, 125009)
e-mail: ecopsymig@gmail.com

Psychological Qualities of Person as a Subject of Human-Animal Interaction²

In modern psychology Human-Animal Interaction is identified as a main area of research. Psychology of Human-Animal Interaction was analyzed; several future steps in HAI research were suggested: category interaction is the basic foundation of modeling mechanisms Human-Animal Interaction. In Russian psychology the works on the psychological aspects of human interspecies communication are rare. Based on the analysis of paradigmatic foundations of psychology interspecific interactions, the prospects of development of research practices in the field of cross-species perspective are outlined: interaction category in a study of inter-specific human relationships, i. e.

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 13-06-687.

²The work is performed with the financial support of RHSF, project № 13-06-687.

collaboration and communication, is the basic foundation of modeling mechanisms of Human-Animal Interaction. Using methods of questionnaires from the field of eco-psychological and psycho-semantic approaches to the study of personality, it was showed that the basis of man's conscious choice of pet-interaction there is its need for positioning the animal as a subject. In the personal sphere of pet-owners, the orientation to a particular type of communication is determined, which can be characterized as a socio-positive and innovative. The author specially accentuated the absence of directional compensation component, the postulated deficit model of pet-relations, according to which the pet's role is reduced to compensate / stagnation of owner's personal problems. In the present study, the needs and personal characteristics of dog's owners (n = 44) and non-owners (n = 39) are compared. It was revealed that some needs and personal characteristics are significant predictors of attitude and behavior type with animals.

Keywords: human-animal interaction, pet-attitude, subjective relation, personality factor.

Исследование психологических аспектов взаимодействия человека с животными является в настоящее время активно развивающейся областью психологической науки. Правда, относится это утверждение, прежде всего, к работе наших западных коллег. Анализ публикаций в научной периодике позволяет западным авторам в течение нескольких последних десятилетий уверенно фиксировать устойчивый рост количества исследований взаимодействия человека и животного (*Human-Animal Interaction*), опираясь на десятки ежегодных отчетов об исследовательских проектах в области *HAI* (см., например [11; 12; 18]).

Чем это можно объяснить? Здесь и сугубо академический интерес к до сих пор мало изученной области реальности, которая в последние десятилетия становится всё более заметной частью жизни постиндустриального общества. Массовость явления «домашний питомец» как в западных странах (в 60 % американских семей есть по крайней мере одно животное-компаньон [14]), так и в России (59 % россиян являются владельцами домашних животных¹), безусловно, требует реакции научного сообщества с целью осмысления данного феномена.

В терминах «домашний питомец»/«домашний любимец» отражена специфика современного способа взаимодействия на регулярной основе людей с животными: традиционное содержание сельскохозяйственных и домашних животных в утилитарных целях соседствует сегодня с их приобретением исключительно как объектов общения, привязанности, заботы, любви, что обозначается как *pet*-собственность, *pet*-взаимодействие (англ. *pet* – любимое животное). В 63 % из 40 млн домохозяйств в США собаки считаются полноправными членами семьи [16].

¹Зоопарк на дому // Московская правда: ежедневная газета. 2014. 14 апреля. № 78 (27666).

Популярность межвидовой проблематики объясняется и её прикладным потенциалом. Десятки исследований проводятся ежегодно не столько для того, чтобы понять природу привязанности человека к животным, но чтобы оценить влияние этой привязанности на его физическое и психологическое здоровье, выявить эффекты развития, достигаемые человеком в *pet*-взаимодействии. Подавляющим большинством исследователей оно позиционируется как весьма существенный и перспективный ресурс формирования здоровья и просоциального поведения человека [12; 15].

В России психологические исследования межвидового взаимодействия человека и домашних животных до сих пор единичны, это буквально капля в мировом океане психологии *Human-Animal Interaction*, которая, будем надеяться, на наших глазах начинает превращаться в море. У российских психологов есть возможность опереться на опыт зарубежных коллег, чтобы определиться с содержанием своей исследовательской практики.

Учёт такого опыта тем более актуален, что состояние обсуждаемого научного направления вызывает сегодня явную озабоченность у его европейских и американских адептов: «несмотря на эмоционально близкие отношения с собаками значительной группы людей в западном обществе, мы знаем относительно мало о том, что запускает и поддерживает социальное поведение собаки по отношению к человеку» [9, с. 105], а также каковы механизмы *pet*-привязанности человека [11]. Явно недостаточно исследования *HAI* включены в контекст психического развития человека, прежде всего ребёнка [12]. Отмечается отсутствие возможности сравнения данных различных проектов в силу несопоставимости их дизайна и инструментария [5], низкий уровень разработанности терминологии [4]. Несмотря на множество «много-

обещающих и интригующих результатов», констатируется слабость теоретических и методологических позиций [12] и в силу этого отсутствие глобального понимания путей дальнейшего развития [6]. Вопрос «Почему и как между человеком и животным, прежде всего собакой, образуется привязанность, сравнимая с отношениями между людьми?» («одна из самых природосообразных форм отношений» [18, с. 434]) остаётся весьма актуальным.

В современной психологии межвидового взаимодействия можно выделить два основных направления исследований, в центре внимания которых либо животное, либо человек: исследование когнитивных и социальных способностей взаимодействующего с человеком животного и исследование психологических характеристик взаимодействующего с животным человека, а также влияния на человека такого взаимодействия (см. об этом [5]). Большинство работ выполнены в рамках поведенческой психологии и психологии личности, а также этологии, чем, конечно же, определяется выбор схемы, инструментов и объяснительных принципов исследования, но что не дифференцирует различные проекты по базовому основанию, когда предметом исследования являются психологические характеристики участников межвидовой коммуникации, но никак не характеристики этого процесса. Такой взгляд на область *Human-Animal Interaction* приводит к тому, что основным исследовательским продуктом становится массив феноменов межвидового взаимодействия. Сам же процесс взаимодействия, т. е. то, что «позиционируется» в пространстве между частями коммуницирующей диады и принципы осуществления которого не могут быть раскрыты через описание признаков взаимодействующих сторон, в приоритетный предмет изучения не выделяется. Такие исследования есть, но они редки (например, [2; 10; 17]) и в самостоятельное направление не оформлены.

Итак, указанные парадигмальные рамки порождают предкризисные, как было отмечено выше, переживания неудовлетворенности у адептов психологии межвидового взаимодействия. Но, к сожалению, большинством исследователей вовсе не они опознаются в виде причины этой неудовлетворённости. Недостаточность проработки теоретической базы и, самое главное, необходимость повышения качества экспериментальной деятельности – вот что в современной литерату-

ре выступает в качестве основных ресурсов развития *HAI*. При этом требование экспериментальной строгости является поистине трендовым в современных публикациях, где весьма активно обсуждаются вопросы развития и совершенствования исследований межвидового взаимодействия. Авторы видят «новую перспективу в исследовании животных посредством повышения систематичности и аналитичности подхода к исследованиям в этой области» [7, с. 267].

Современная психология межвидового взаимодействия может быть охарактеризована как активно экстенсивно развивающаяся область исследования с некоторым дефицитом новых – прежде всего в решении задачи выявления механизмов образования межвидовой коалиции – исследовательских направлений. В частности, при обсуждении вопроса о причинах выбора человеком позиции *pet*-собственника, конечно же, совершенно очевидна необходимость исследования его психологического статуса, но при этом, с одной стороны, в литературе констатируется «явная недостаточность современных исследований личностных особенностей в контексте отношения человека к животным и его взаимодействия с ними» [13, с. 666]. С другой стороны, основной массив таких исследований ограничен уровнем расширения поля феноменов *HAI* в преимущественно прикладных целях.

Так, при исследовании связи между тремя типами *pet*-собственности (единственное животное, несколько мелких животных, большие и маленькие животные) и такими личностными особенностями как эмоциональная привязанность, преданность и нравственное отношение к животному показано, что тип *pet*-собственности позволяет предсказать интенсивность и модальность указанных личностных позиций. Особенно существенно группы испытуемых различались в содержании моральной оценки животных, а «понимание таких нюансов имеет важное значение в продвижении позитивных, взаимовыгодных отношений между людьми и животными» [15, с. 295]. Данная работа, на наш взгляд, в своем открытии очередной личностной характеристики человека «методологически типична» для современной психологии межвидового взаимодействия. Выявлен новый феномен – молодец автор!

Конечно, необходимость описания феноменов изучаемой реальности нет смысла оспаривать, но хотелось бы и к причинам её появления приблизиться, для чего, как пер-

вый шаг на этом пути, целесообразно попытаться найти такие «места» в психике человека, каузальность которых в отношении формирования *pet*-привязанности трудно было бы оспорить.

Цель данной работы состояла в анализе феномена *pet*-отношений человека с точки зрения её причинности на уровнях потребностного и личностного анализа. Для этого была поставлена задача выявить с помощью опросных методов и сравнить особенности потребностно-мотивационной и личностной сфер владельцев домашних животных и лиц, домашних животных не имеющих.

Квазиэкспериментальный план планируемого исследования, казалось бы, противоречит заявленному нами стремлению к каузальному уровню изучения межвидового взаимодействия. Это так, но прежде чем затевать лабораторный эксперимент, попробуем выявить строение личностной сферы с помощью опросников.

Выборка. В исследовании участвовали 83 жителя Москвы и ближайшего Подмосковья: 38 мужчин и 45 женщин в возрасте от 15 до 84 лет ($M = 49$; $S = 16,25$), из которых у 44 человек были собаки, а у 39 человек не было никаких домашних животных. Эти респонденты составили две основные группы: «Владельцы» и «Невладельцы».

Кроме половозрастных характеристик при формировании выборки кандидатура каждого участника оценивалась по следующим четырем критериям.

1) Отношение к содержанию в городской квартире домашнего животного. Данный критерий являлся основанием для формирования групп «Владельцы» и «Невладельцы». На выбор респонденту предлагались четыре позиции, первые три из которых адресовались «невладельцам», последняя – «владельцам»:

- категорически против содержания в городской квартире домашнего животного;
- полностью одобряю содержание в городской квартире домашнего животного, но сам этого не хочу;
- полностью одобряю содержание в городской квартире домашнего животного, но сам в данный момент не могу себе этого позволить;
- полностью одобряю содержание в городской квартире домашнего животного и сам являюсь его владельцем.

Выбор респондентом третьего варианта приводил к отклонению его кандидатуры;

т. е. лица, не имеющие животных в данный момент, но желающие их приобрести, в число респондентов не включались.

Таким образом, группа «Невладельцы» ($n = 39$) состояла из двух подгрупп: первую ($n = 11$) составили респонденты, категорически отрицающие возможность содержания в городской квартире домашнего животного, а вторую ($n = 28$) – лица, лояльно относящиеся к содержанию животного другими людьми, но однозначно заявляющие об отсутствии у себя такой потребности.

Группа «Владельцы» ($n = 44$) формировалась не только по результатам выбора четвертого варианта ответа («одобряю и владею»), но и с учётом следующих двух критериев.

2) Вид животного – в исследовании принимали участие владельцы собак. Это не означает, что у наших «владельцев» была только собака и причем только одна – нет, у 26 человек было больше одной собаки, а у 19 – и другие домашние животные. Но собака была у всех. Совокупный стаж владения на протяжении жизни колебался от года до 56 лет ($M = 10$, $S = 13,4$); лица, владеющие собакой меньше года, в исследовании не участвовали.

3) Отношение к своей собаке. Группу «Владельцы» составили только так называемые «прикреплённые» хозяева собак – те, у кого есть потребность в *pet*-общении с собакой и для кого *pet*-собственность – а не традиционно утилитарное владение животным – есть осознанный и ответственный выбор, следствием которого является высокая включённость животного в жизнь человека/семьи. Словом, «владельцы» заботятся о своей собаке практически на человеческом уровне.

Как оценивался данный критерий? К участию привлекались либо знакомые, либо рекомендованные авторам хозяева животных, чье отношение к питомцам соответствовало заданному критерию. Объективизацией данного критерия служили два показателя. Во-первых, респонденты оценивали по 10-балльной шкале степень своей удовлетворённости в части владения собакой. Для 80 % «владельцев» этот показатель составил высший балл, а ниже 8 баллов зафиксировано лишь 8 ответов, что свидетельствует, на наш взгляд, о гармоничности межвидовых взаимоотношений в конкретной паре. Во-вторых, респонденты приписывали своему питомцу определённый статус из ряда предложенных, начиная от сугубо инструментальных («ис-

точник дохода», «фактор престижа» и т. п.) и кончая субъектными («друг», «член семьи»). 68 % «владельцев» позиционирует свою собаку как члена семьи (из них однозначно, а не в ряду других характеристик – 43 %); инструментальные («объектные») статусы не выбраны никем, что опять же свидетельствует о требуемом в нашем исследовании уровне *ref*-отношения владельца к своему питомцу.

Итак, данными мерами, задаваемыми указанными тремя критериями, мы стремились поляризовать выборку по ключевой для исследования переменной «Отношение к животному». «Могу жить без собаки» – группа «Невладельцы». «Не могу жить без собаки» – группа «Владельцы».

4) Четвёртый критерий создания выборки можно назвать образовательно-рефлексивным. Перед респондентами стояла задача (см. раздел Методики) охарактеризовать несколькими словами ряд понятий, т. е. совершить некое «когнитивно-мнемически-рефлексивное» действие. Чтобы принять указанную задачу и иметь возможность её выполнить, необходим не только определенный уровень вербального и интеллектуального развития, самосознания и рефлексии, но и способность к нетипичным для обыденной жизни интеллектуальным усилиям по категоризации. Именно она представляла большую трудность для ряда респондентов, так что 14 человек, удовлетворявших первым трем критериям создания выборки, не смогли преодолеть этот барьер и были исключены из итогового перечня. Но зато данные тех, кто справился с поставленной задачей, были абсолютно индивидуальны, что имело в нашем случае особую ценность.

Половой состав выборки удалось практически сбалансировать: 38 мужчин (19 владельцев/19 невладелец), 45 женщин (25/20). По возрасту выборка не уравновешена (только 13 человек из 83-х младше 30 лет), группы уравнены лишь на уровне десятилетий: в обеих есть представители каждой возрастной категории, начиная с 20-летних и кончая 70-летними, но количество их разное. Наибольшее число респондентов – 40–50-летние.

Преобладают лица с высшим образованием (59 человек из 83), половина респондентов ($n = 43$) служащие.

Методики. Для определения способности воспринимать объект природы субъектно (т. е. субъективизировать его) использовалась методика диагностики субъективизации природных объектов [1].

Три субтеста данной методики предназначены для определения одного из трёх аспектов субъективизации: 1) способность к переживанию собственной личностной динамики на основе установления параллелизма характеристик природного объекта со своими собственными; 2) способность позиционировать природный объект в качестве фактора, опосредствующего отношение личности к миру; 3) способность позиционировать природный объект в качестве субъекта (партнера) совместной деятельности и общения. Объектом оценивания в методике выступает домашняя собака.

Каждый пункт методики состоит из двух альтернативных высказываний, в одном из которых представлено состояние восприятия человеком природного объекта (собаки) как субъекта, а в другом – как объект; по 5-балльной шкале оценивается степень близости к одному из полюсов.

Для определения личностных особенностей лиц с положительным и отрицательным отношением к *ref*-собственности использовалась компьютерная интерактивная система стандартизованной интерпретации тестов и описаний личности ТЕЗАЛ, разработанная в рамках психосемантического подхода к исследованию личности [4]. ТЕЗАЛ представляет собой компьютерный тезаурус личностных черт, т. е. психосемантический словарь, который устанавливает систему связей между словесными обозначениями личностных черт. Перечень личностных черт, созданный испытуемым, является основой для автоматизированного расчёта интегративного личностного портрета; в частности, для составления диагностического профиля по типу 16 *PF*. Иными словами, испытуемый называет всего несколько слов, а в результате мы имеем его личностный профиль согласно многофакторному «Личностному опроснику 16 *PF*» Р. Кеттелла (притом в его психометрически корректной и адаптированной русскоязычной форме [4])¹, и, таким образом, осуществляется диагностика личности по структуре ее индивидуальной категориальной системы.

Именно данная опция – возможность замены личностного опросника косвенной процедурой диагностики – определила выбор нами диагностико-интерпретационной системы ТЕЗАЛ. Одна из основных задач нашего исследования – сравнение личностных особенностей невладелецов и владельцев собаки – с необходимостью требовала применения личностных опросников, а это было

¹Шмелев А. Г. «Каша из топора», или История адаптации 16PF в России // Психологическая газета. 1999. № 5.

не всегда возможно. Потому, во-первых, что включение в программу опроса 16 PF существенно увеличило бы длительность диагностической процедуры – а это реальная опасность и отказа респондента от участия, и его «схода с дистанции» в виде незавершенного протокола, и безответственного заполнения протокола вследствие утомления: к сожалению, даже совсем небольшая интеллектуальная нагрузка многими современными испытуемыми переносится с трудом.

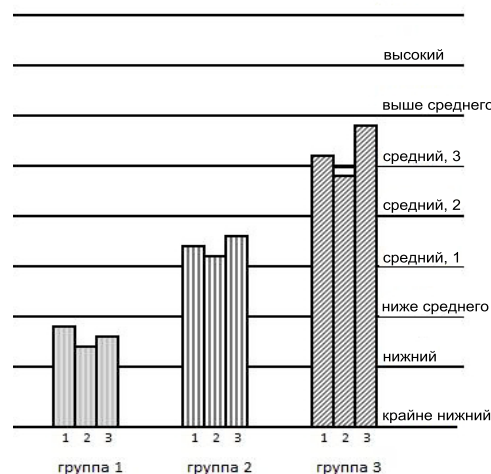
Во-вторых, хотелось попробовать смягчить главный недостаток личностных опросников – опасность искажения получаемых данных. О том, что в нашем исследовании такая опасность была достаточно высока, свидетельствует почти поголовное стремление «невладельцев» оправдать свою позицию по отношению к содержанию животных. Практически все они приводили аргументы в её пользу из разряда «негуманность репозиционирования животного», что, на наш взгляд, явно свидетельствует об ориентации на некую социально одобряемую норму.

Итак, ТЕЗАЛ позволяет через атрибутирование испытуемым черт личности самому себе установить его личностные особенности. Исходя из «пристрастности» индивидуального сознания человека, проявляющейся, в частности, во влиянии мотивационной направленности на характер и организацию категориальных структур восприятия и осознания субъектом предметной и социальной действительности, то есть в широком смысле во влиянии мотивационной системы субъекта на его образ мира» [3], мы предложили нашим респондентам провести категоризацию не только образа Я, но и ещё четырёх понятий, представив, что каждый из объектов категоризации – это человек, т. е. шестью словами (часть речи специально не оговаривалась) надо было описать себя и, представив, что оцениваемый объект – это человек, абстрактную собаку, свою собаку (это, конечно, делали только «владельцы»), город Москву, природу Подмосковья.

Определение достоверности различий выборочных средних проводилось по U-критерию Манна-Уитни для независимых выборок.

Результаты. Структуры субъектификации «владельцев» и «невладельцев» имеют, как видно на рис. 1, сходное строение – значения всех трех аспектов субъектификации в каждой группе практически одинаковы. Различия между группами заключаются лишь в

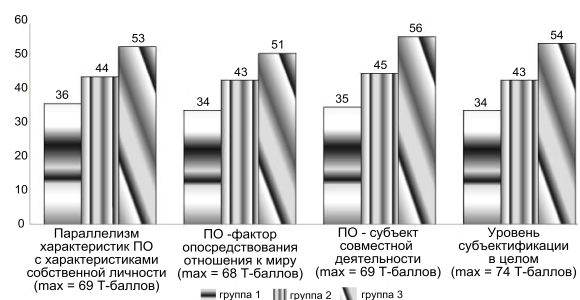
уровне абсолютных значений субъективного отношения к природе: «категорические невладелеццы» находятся на нижнем уровне развития субъектификации природного объекта (итоговый показатель 34 балла при возможном максимуме в 74 балла), «лояльные невладелеццы» – на нижней границе среднего уровня (43 балла), «владельцы» – на верхней границе среднего уровня (54 балла).

Рис. 1. Структура субъектификации природного объекта «владельцев» (гр. 1 и 2) и «невладельцев» (гр. 3) в соответствии с уровнями субъектификации (1, 2, 3 – аспекты)

На рис. 2 представлены результаты сравнительного анализа «владельцев» и «невладельцев» по каждому из параметров субъектификации как в абсолютных значениях, так и относительно максимального уровня развития способности к субъективному восприятию объекта природы. По критерию U Манна-Уитни между всеми группами обнаружены значимые различия по всем аспектам субъектификации ($p \leq 0,01$).

Половые различия по всем аспектам субъектификации между «владельцами» и «невладельцами» также статистически достоверны ($p \leq 0,01$).

Рис. 2. Средние показатели аспектов субъектификации природного объекта (ПО) групп «Невладелеццы» ($n = 39$: группа 1 ($n = 11$) и группа 2 ($n = 28$)) и «Владельцы» (группа 3, $n = 44$)

Половых различий в группе «Невладельцы» не обнаружено. У «владельцев»–женщин на уровне тенденции ($p = 0,075$) отмечена большая, чем у мужчин, способность позиционировать собаку в качестве субъекта совместной деятельности и общения. Также на уровне тенденции ($p = 0,071$) «субъектный» аспект субъектификации выше у «владельцев», квалифицировавших свою собаку как члена семьи ($n = 19$), и у тех, кто выбирал другие, а не только «член семьи», характеристики статуса своего животного ($n = 25$). Тот же аспект субъектификации ($p = 0,08$) и уровень субъектификации в целом ($p = 0,092$) тоже на уровне тенденции выше у «владельцев» с максимальным (10 баллов) уровнем удовлетворенности своей ролью *pet*-собственника

($n = 36$) и теми, чья оценка была ниже ($n = 8$). Достоверных возрастных различий в уровне субъектификации не обнаружено ни внутри групп, ни между ними.

С помощью системы ТЕЗАЛ было получено 2 202 словесных обозначений личностных черт по позициям «Я» (488), «абстрактная собака» (484), «моя собака» (258), «город Москва» (488), «природа Подмосковья» (484), что позволило создать для каждого респондента 5 (для «невладельцев» – 4) личностных профилей в формате 16 PF. Ни индивидуальное, ни групповое усреднения не проводились; сравнивались между собой массивы групповых данных. Достоверные различия между группами представлены в табл. 1.

Таблица 1

Межгрупповые различия в уровне субъектификации природного объекта между группами «Невладельцы» ($n = 39$: группа 1 ($n = 11$) и группа 2 ($n = 28$)) и «Владельцы» (группа 3, $n = 44$), критерий *U* Манна-Уитни

Группы сравнения		Сравниваемые позиции		Шкала 16 PF	Уровень значимости (** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$)	<i>U</i>	<i>Z</i>
гр. 1	гр. 3	абстрактная собака		<i>B</i>	,019*	100,5	-2,322
				<i>C</i>	,041*	112	-2,038
гр. 1+2	гр. 3	абстрактная собака		<i>B</i>	,022*	554,5	-2,297
гр. 1	гр. 3	абстрактная собака	моя собака	<i>B</i>	,044*	113	-2,014
				<i>C</i>	,017*	98	-2,369
				<i>H</i>	,028*	106	-2,180
				<i>Q₁</i>	,023*	103,5	-2,239
гр. 2	гр. 3	абстрактная собака	моя собака	<i>H</i>	,008**	370	-2,653
				<i>Q₁</i>	,002**	338,5	-3,027
гр. 1+2	гр. 3	абстрактная собака	моя собака	<i>A</i>	,049*	588,5	-1,968
				<i>B</i>	,050*	589,5	-1,959
				<i>C</i>	,042*	582	-2,031
				<i>H</i>	,002**	476	-3,056
				<i>Q₁</i>	,001**	442	-3,385
гр. 3		абстрактная собака	моя собака	<i>Q₄</i>	,016*	544	-2,399
				<i>E</i>	0,38*	719	-2,078
				<i>H</i>	,018*	684	-2,366
				<i>Q₁</i>	,036*	716	-2,099
гр. 1	гр. 2	Я		<i>Q₄</i>	,039*	721	-2,061
				<i>A</i>	,022*	81	-2,278
				<i>H</i>	,040*	88,5	-2,045
гр. 2	гр. 3	Москва		<i>G</i>	,030*	418	-2,165
гр. 2	гр. 3	природа Подмосковья		<i>H</i>	,038*	436	-2,079
				<i>Q₁</i>	,017*	410	-2,380
гр.1+2	гр. 3			<i>Q₁</i>	,062	635	-1,869

Особо следует подчеркнуть отсутствие достоверных возрастных и половых различий по позициям «Абстрактная собака» и «Моя собака» в группе «Владельцы», что свидетельствует об отсутствии сцепления с ними основной переменной «Отношение к *pet*-собственности». Различий также не зафиксировано и при сравнении личностных

профилей «владельцев» и «невладельцев», полученных в результате самооценки (позиция «Я»), что – особенно на фоне массива значимых различий в табл. 1 – выглядит как следствие реализации респондентами мотивации позитивной самопрезентации, нейтрализация которой была одной из задач планирования исследования.

Обсуждение результатов. Исходя из того, что средние значения показателей субъективизации природного объекта (домашней собаки) по группе «владельцев» близки к ее высшему уровню (рис. 1), а по группе «невладельцев» они находятся в нижнем сегменте, причем различия между данными показателями статистически достоверны, можно ли сделать вывод о том, что у «владельцев» отношение к природе более экологически корректно (т. е. необъектно, непрагматично и т. п.), чем у «невладельцев»? На наш взгляд, результаты наших респондентов говорят не об уровне развития их экологического сознания, а об их потребностно-мотивационной сфере.

Феномен субъективизации состоит в наделении человеком объекта природы функциями субъекта – такими же, какие осуществляет он сам, будучи субъектом по отношению к другому человеку: 1) обеспечение возможности отражения Другим своего Я через отражение Я субъекта взаимодействия; 2) опосредствование отношения Другого к миру; 3) совместная деятельность и общение [1, с. 54–56]. «Назначение в субъекты» объекта природы осуществляется человеком как удовлетворение его потребности в отношениях определенного уровня и содержания. Именно в данном контексте полученные в нашем исследовании данные о различиях в структуре и уровне субъективизации у «владельцев» и «невладельцев» можно проинтерпретировать как предположение о том, что в основе сознательного выбора человеком *ref*-взаимодействия лежит его потребность в субъективном отношении к животному. «Невладельцы», таким образом, потребности в позиционировании домашнего питомца (собаки) в качестве субъекта не продемонстрировали.

Следует подчеркнуть, что, анализируя полученные данные, мы можем говорить только об отношении к домашним питомцам, а не о способности к субъективизации природы как таковой: такое ограничение, на наш взгляд, накладывает на данные методики выбор объекта оценивания – а именно собаки. С одной стороны, авторы методики диагностики субъективизации заявляют, что она, измеряя способность субъектного восприятия объекта природы, позволяет судить о «субъективном отношении к природе, т. е. “любви к природе”» [1, с. 42]. С другой стороны, они же показывают, что «субъективизация достаточно избирательна в отношении

различных объектов у определенного лица» [там же, с. 84]: субъективное отношение человека к разным природным объектам может различаться степенью выраженности и, «как правило, для испытуемых характерно наличие двух основных ведущих типов мотивации взаимодействия с природными объектами» [там же, с. 105].

Вследствие этого наши «невладельцы» вполне могут оказаться способными субъективизировать какой-либо природный объект, но никак не объект «домашний питомец»; и причина этого лежит не на уровне сознательной оценки системы содержания домашних животных в городских условиях, в чем «невладельцы» уверяют себя и исследователей, а в потребностно-мотивационной сфере.

Хотя, если говорить о «субъективизирующих» возможностях «невладельцев», стоит обратить внимание на выявленную во вневидовую универсальность [13] некоторых личностных проявлений. Была установлена связь между высоким уровнем синдрома Темной триады (совокупность субклинических черт: макиавеллизм, нарциссизм, психопатия) и негативным (вплоть до жестокого) отношением к животным. На этом основании авторы предположили, что некоторые психологические аспекты межличностных взаимодействий человека можно экстраполировать и на сферу его межвидовых отношений, поскольку и в видовом и в межвидовом вариантах они проявляются сходно (как жесткость и склонность к манипуляции у личностей, определяемых Темной триадой). На наш взгляд, высока вероятность и обратного хода рассуждений: отсутствие потребности в субъектном взаимодействии с животным может маркировать уровень субъектности и в межличностном взаимодействии. Интересно было бы в этом контексте посмотреть соотношение субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействий у лиц, склонных и несклонных к *ref*-взаимодействию.

Опираясь на тезис о том, что субъект-субъектные отношения являются высшей формой межличностного взаимодействия, следует отметить весьма характерное превышение показателей именно по способности к взаимодействию с собакой как с субъектом некоторых групп «владельцев», а именно: 1) женщин; 2) тех, кто позиционирует свою собаку исключительно как члена семьи; 3) тех, чья удовлетворенность своей ролью *ref*-собственника близка к 100 %, по

сравнению с 1) мужчинами; 2) теми, кто выбирал другие статусы своему животному; 3) теми, чья удовлетворённость своей ролью *pet*-собственника ниже 80 %, т. е. некоторые «владельцы» оказались более субъектны в отношении к своим питомцам, причём в самой «субъектно» нагруженной области коммуникации.

Из-за малых объемов сравниваемых групп (25 женщин и 19 мужчин; 19 «членов семьи» и 25 «нечленов»; 36 стопроцентно довольных и 8 «восьмидесятипроцентных») различия между ними зафиксированы лишь на уровне тенденции, но можно уверенно предположить, что на больших объёмах данная тенденция превратится в значимые различия. Во-первых, она согласуется с литературными данными («мужчины относятся к животным менее позитивно, чем женщины» [13, с. 666], т. е. пол является значимым предиктором вектора отношения к животным, а что такое субъектность, как не высшая степень позитивного отношения к другому?). Во-вторых, указанная тенденция согласуется с нашей гипотезой о содержании потребностной основы *pet*-взаимодействия. Включение животного в «члены семьи» и высокая степень удовлетворённости от взаимодействия с ним свидетельствуют, на наш взгляд, о сильной нужде в субъектификации домашнего питомца, что и нашло объективное выражение в эмпирических данных.

Итак, *pet*-взаимодействие можно позиционировать как удовлетворение потребности в субъективном отношении к ... Здесь, следуя логике нашего изложения, следовало бы добавить – «к природному объекту». Но к природному ли? Или – к только природному? На эти вопросы мы попытаемся ответить, сравнив личностные особенности «владельцев» и «невладельцев» в формате 16 *PF*.

Прежде всего следует отметить направленность статистически значимых различий между «владельцами» и «невладельцами»: первые всегда тяготеют к положительному полюсу фактора, вторые – к отрицательному. Составив своеобразную формулу частотности факторов, дифференцирующих исследуемые выборки, мы получим: $5H-5Q_1-4B-3C-2Q_4$. С одной стороны, это смелость в социальных контактах, радикализм и восприимчивость к новому, высокая интеллектуальность, эмоциональная устойчивость, напряженность, собранность и энергичность. С другой – робость в социальных контактах,

консерватизм, низкая интеллектуальность, эмоциональная неустойчивость, расслабленность, сдержанность.

Что же, все «невладельцы» так неприглядны, а «владельцы» – так хороши? Интерпретируя полученные данные, не следует упускать из вида следующие моменты. Во-первых, в них отражена не личность, а позиция личности в сфере *pet*-взаимодействия (даже шире – отношения к природе) – активная и ориентированная на субъектное взаимодействие у *pet*-«владельцев» и даже не пассивная, а негативная – у «невладельцев». Не случайно, значимых различий между группами практически нет при оценивании урбанистического объекта – Москвы, но они появляются при обращении к природному объекту – природе Подмосковья.

Во-вторых, любая позиция личности, так же как и сфера её активности, есть проявление её идентичности, поэтому, приняв получившиеся у нас портреты «владельцев» и «невладельцев» за основу, мы сможем увидеть у первых, в отличие от вторых, потребность в расширении и активном сопровождении своего «социального ареала». Характерно в этом смысле различие самооценок «категоричных» и «лояльных невладелец» именно по факторам *A* и *H*, сочетание которых отражает потребность личности в общении. Сюда же можно отнести и «формулу различия» позиций «абстрактная собака» и «моя собака» в группе владельцев: $H-Q_1-E-Q_4$ (смелость в общении, радикализм, доминантность, собранность), которая свидетельствует все о той же направленности на активное освоение коммуникативной межвидовой территории.

Итак, в личностной сфере *pet*-собственников можно выделить направленность к определённому типу коммуникации, охарактеризовав его как социально-позитивно-инновационный. В качестве дискуссионного замечания следует особо отметить отсутствие компенсационной составляющей, постулируемой дефицитарной моделью *pet*-отношений, согласно которой роль домашнего животного сводится к компенсации/стагнации личностных проблем владельца. Конечно, в отсутствии такой составляющей проявились особенности нашей выборки из «прикреплённых» *pet*-собственников, что не умаляет значимости полученных данных, но лишь свидетельствует о необходимости дальнейших исследований типологии межвидового взаимодействия.

Выводы.

1. В основе сознательного выбора человеком *pet*-взаимодействия лежит его потребность в субъективном отношении к животному, т. е. позиционировании животного в качестве субъекта. 2. В личностной сфере *pet*-собственников выделена направлен-

ность к определённому типу коммуникации – социально-позитивно-инновационному. 3. В исследовании межвидовых отношений человека категория взаимодействия, т. е. совместной деятельности и общения, является базовым основанием моделирования механизмов *Human-Animal Interaction*.

Список литературы

1. Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Методики диагностики и коррекции отношения к природе. М.: ЦКФЛ РАО, 1995. 147 с.
2. Криволапчук Н. Д. Прикладная психология собаки: учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 560 с.
3. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания: автореф. ... д-ра психол. наук. М., 1989. 48 с.
4. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.
5. Шукова Г. В. Межвидовое взаимодействие человека и домашних животных как предмет экопсихологического исследования // Экопсихологические исследования – 3: сб. науч. ст. / под ред. В. И. Панова. М.: ФГНУ ПИ РАО: СПб.: Нестор-История, 2013. С. 76–109.
6. *Animals in our lives: Human-animal interaction in family, community, and therapeutic settings*. (2011). Eds. P. McCardle, S. McCune, J. A. Griffin, L. Esposito, & L. S. Freund. Baltimore: Paul H. Brookes Publishing Company.
7. Buttellmann D., & Röpcke A.-K. (2014). Anxiety-Reducing Effect: Dog, Fish and Plant in Direct Comparison // *Anthrozoos: A Multidisciplinary Journal of The Interactions of People & Animals*. V. 27. № 2. P. 267–277.
8. Downey H., & Ellis S. (2008) Tails of animal attraction: incorporating the feline into the family // *Journal of Business Research*. V. 61. № 5. P. 434–441.
9. Feuerbacher E. N., & Wynne C. D. L. (2012). Relative efficacy of human social interaction and food as reinforcers for domestic dogs and hand-reared wolves // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. V. 98. № 1. P. 105–129.
10. Horowitz A.C., & Bekoff M. (2007). Naturalizing anthropomorphism: behavioral prompts to our humanizing of animals // *Anthrozoös: Anthrozoos: A Multidisciplinary Journal of The Interactions of People & Animals*. V. 20. № 1. P. 23–35.
11. Hosey G., & Melfi V. (2014). Human-animal interactions, relationships and bonds: a review and analysis of the literature // *International Journal of Comparative Psychology*. V. 27. № 1. P. 117–142.
12. Hurley K. B. (2014). Development and Human-Animal Interaction // *Human Development*. V. 57. № 1. www.karger.com/Article/FullText/357795 (дата обращения: 16.05.2014).
13. Kavanagh P. S., Signal T. D., & Taylor N. (2013). The Dark Triad and animal cruelty: Dark personalities, dark attitudes, and dark behaviors // *Personality and Individual Differences*. V. 55. № 6. P. 666–670.
14. Marinelli L., Adamelli S., Normando S., & Bono G. (2007). Quality of life of the pet dog: Influence of owner and dog's characteristics // *Applied Animal Behaviour Science*. V. 108. P. 143–156.
15. Mueller M. K. (2014). The Relationship between Types of Human-Animal Interaction and Attitudes about Animals: An Exploratory Study // *Anthrozoos: A Multidisciplinary Journal of The Interactions of People & Animals*. V. 27. № 2. P. 295–308.
16. Oyama M. A., & Serpell J. A. (2013). General Commentary: Rethinking the role of animals in human well-being // *Front. Psychol.* 25. June. <http://journal.frontiersin.org/Journal/10.3389/fpsyg.2013.00374/full> (дата обращения 17.05.2014).
17. Titeux E., Péron F., & Gilbert C. (2013). La relation homme-chein: nouvelles hypothèses // *Le Point Vétérinaire*. № 336. P. 64–70.
18. Vitztum C. (2013). Human-Animal Interaction: A Concept Analysis // *International Journal of Nursing Knowledge*. V. 24. № 1. P. 30–36.

References

1. Derjabo S. D., Jasvin V. A. Metodiki diagnostiki i korekcii otnoshenija k prirode. M.: CKFL RAO, 1995. 147 s.
2. Krivolapchuk N. D. Prikladnaja psihologija sobaki: ucheb. posobie. Rostov n/D: Feniks, 2008. 560 s.
3. Petrenko V. F. Psihosemantika soznaniya: avtoref. ... d-ra psihol. nauk. M., 1989. 48 s.
4. Shmelev A. G. Psihodiagnostika lichnostnyh chert. SPb.: Rech', 2002. 480 s.

5. Shukova G. V. Mezhdidovoe vzaimodejstvie cheloveka i domashnih zhivotnyh kak predmet jekopsihologicheskogo issledovanija // Jekopsihologicheskie issledovanija – 3: sb. nauch. st. / pod red. V. I. Panova. M.: FGNU PI RAO: SPb.: Nestor-Istorija, 2013. S. 76–109.
6. Animals in our lives: Human-animal interaction in family, community, and therapeutic settings. (2011). Eds. P. McCardle, S. McCune, J. A. Griffin, L. Esposito, & L. S. Freund. Baltimore: Paul H. Brookes Publishing Company.
7. Buttelmann D., & Röpcke A.-K. (2014). Anxiety-Reducing Effect: Dog, Fish and Plant in Direct Comparison // Anthrozoos: A Multidisciplinary Journal of The Interactions of People & Animals. V. 27. № 2. P. 267–277.
8. Downey H., & Ellis S. (2008) Tails of animal attraction: incorporating the feline into the family // Journal of Business Research. V. 61. № 5. P. 434–441.
9. Feuerbacher E. N., & Wynne C. D. L. (2012). Relative efficacy of human social interaction and food as reinforcers for domestic dogs and hand-reared wolves // Journal of the Experimental Analysis of Behavior. V. 98. № 1. P. 105–129.
10. Horowitz A.C., & Bekoff M. (2007). Naturalizing anthropomorphism: behavioral prompts to our humanizing of animals // Anthrozoos: A Multidisciplinary Journal of The Interactions of People & Animals. V. 20. № 1. R. 23–35.
11. Hosey G., & Melfi V. (2014). Human-animal interactions, relationships and bonds: a review and analysis of the literature // International Journal of Comparative Psychology. V. 27. № 1. P. 117–142.
12. Hurley K. B. (2014). Development and Human-Animal Interaction // Human Development. V. 57. № 1. www.karger.com/Article/FullText/357795 (data obrashhenija: 16.05.2014).
13. Kavanagh P. S., Signal T. D., & Taylor N. (2013). The Dark Triad and animal cruelty: Dark personalities, dark attitudes, and dark behaviors // Personality and Individual Differences. V. 55. № 6. P. 666–670.
14. Marinelli L., Adamelli S., Normando S., & Bono G. (2007). Quality of life of the pet dog: Influence of owner and dog's characteristics // Applied Animal Behaviour Science. V. 108. P. 143–156.
15. Mueller M. K. (2014). The Relationship between Types of Human–Animal Interaction and Attitudes about Animals: An Exploratory Study // Anthrozoos: A Multidisciplinary Journal of The Interactions of People & Animals. V. 27. № 2. P. 295–308.
16. Oyama M. A., & Serpell J. A. (2013). General Commentary: Rethinking the role of animals in human well-being // Front. Psychol. 25. June. <http://journal.frontiersin.org/Journal/10.3389/fpsyg.2013.00374/full> (data obrashhenija: 17.05.2014).
17. Titeux E., Péron F., & Gilbert C. (2013). La relation homme-chein: nouvelles hypothèses // Le Point Vétérinaire. № 336. P. 64–70.
18. Vitzum C. (2013). Human-Animal Interaction: A Concept Analysis // International Journal of Nursing Knowledge. V. 24. № 1. P. 30–36.

Статья поступила в редакцию 10.09.2014